
АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В БУГО-ДНЕПРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ И ПОДНЕПРОВЬЕ

Наталья Бурдо

Ключевые слова: антропоморфная пластика, статуэтки серезлиевского типа, курганные погребения, раннебронзовый век.

История изучения курганных памятников с погребениями раннего бронзового века в регионе насчитывает более ста лет. За это время менялись взгляды на датировку погребений, их культурную принадлежность и вопросы происхождения. Важную роль в дискуссиях играли находки антропоморфной пластики, появление которой большинство исследователей так или иначе связывали с трипольской культурой, занимавшей в свое время лесостепную часть междуречья и оказавшей влияние на своих соседей. В то же время шли дискуссии о локальных вариантах позднего Триполья, некоторые из которых даже получили статус отдельных археологических культур. В статье рассмотрены вопросы, связанные с находками пластики т.н. «серезлиевского типа».

Первые находки антропоморфной пластики в курганных погребениях степной зоны буго-днепровского междуречья были сделаны еще в начале XX в. Так, в 1904 г. Д.М. Щербаковский раскопал семь курганов у с. Серезлиевка (Новоархангельский р-н, Кировоградская обл.). В кургане № 7 с кромлехом диаметром 8,5 м обнаружено центральное захоронение подростка (длина скелета 1,3 м) в вытянутом положении на спине, головой ориентированное на восток. У кисти правой руки найдена схематическая антропоморфная статуэтка (рис. 3/1) рядом с комком охры. У затылка обнаружен кусочек смолы (Щербаковский 1905, 6; табл. I, фиг. 2). Именно эта статуэтка дала название особому типу антропоморфной пластики – «серезлиевскому», характерному для погребальных памятников степной зоны в эпоху РБВ (или позднего энеолита в предшествующих работах).

Таким образом, история изучения погребальных памятников, с которых происходит пластика серезлиевского типа, насчитывает более 100 лет. Д.М. Щербаковский полагал, что выявленные им погребения в курганах №№ 4 и 7 в Серезлиевке содержат инвентарь, принадлежащий к «домикенской культуре» (то есть трипольской в современной терминологии), и утверждал, что имеет место нахождение предметов одной культуры в другой (Щербаковский 1905, 7-19). К предметам «домикенской» культуры относились расписной сосуд томашевской группы Триполья С1 (рис. 4/18) и статуэтка (рис. 3/1). Погребения же под курганами исследователь относил к особой культуре, предшествующей ямной.

В последующие десятилетия статуэтки серезлиевского типа многими исследователями рассматривались как культурно-хронологические маркеры. Большинство авторов отстаивали мнение об их принадлежности к позднему этапу Триполья. В 40-е годы XX в. Т.С. Пассек относил подкурганные погребения буго-днепровского междуречья, включая и курганы №№ 4 и 7 в Серезлиевке, к усатовскому типу позднего периода Триполья 2. Исследовательница сравнивала статуэтку из погребения в кургане № 7 с усатовской пластикой (Пассек 1949, 17, 201-202), таким образом, с этого момента длительный период времени принадлежность статуэток серезлиевского типа к усатовской¹ группе памятников

¹ С момента открытия М.Ф. Болтенко рассматривал усатовские древности как особую культуру (Болтенко 1925). Е.Ф. Лагодовская также первоначально считала, что усатовские комплексы относятся к особой культуре, связанной с Триполем генетически (Лагодовская 1943, 53-66). Похожей точки зрения придерживался и Е.Ю. Кричевский (1941), а в 50-е годы многие авторы (Черныш 1982: 219). Однако Т.С. Пассек всегда рассматривала усатовские древности в рамках Триполья (Passek 1935; Пассек 1949). Этой традиции следовали все исследователи до начала XXI в. На возвращении усатовской

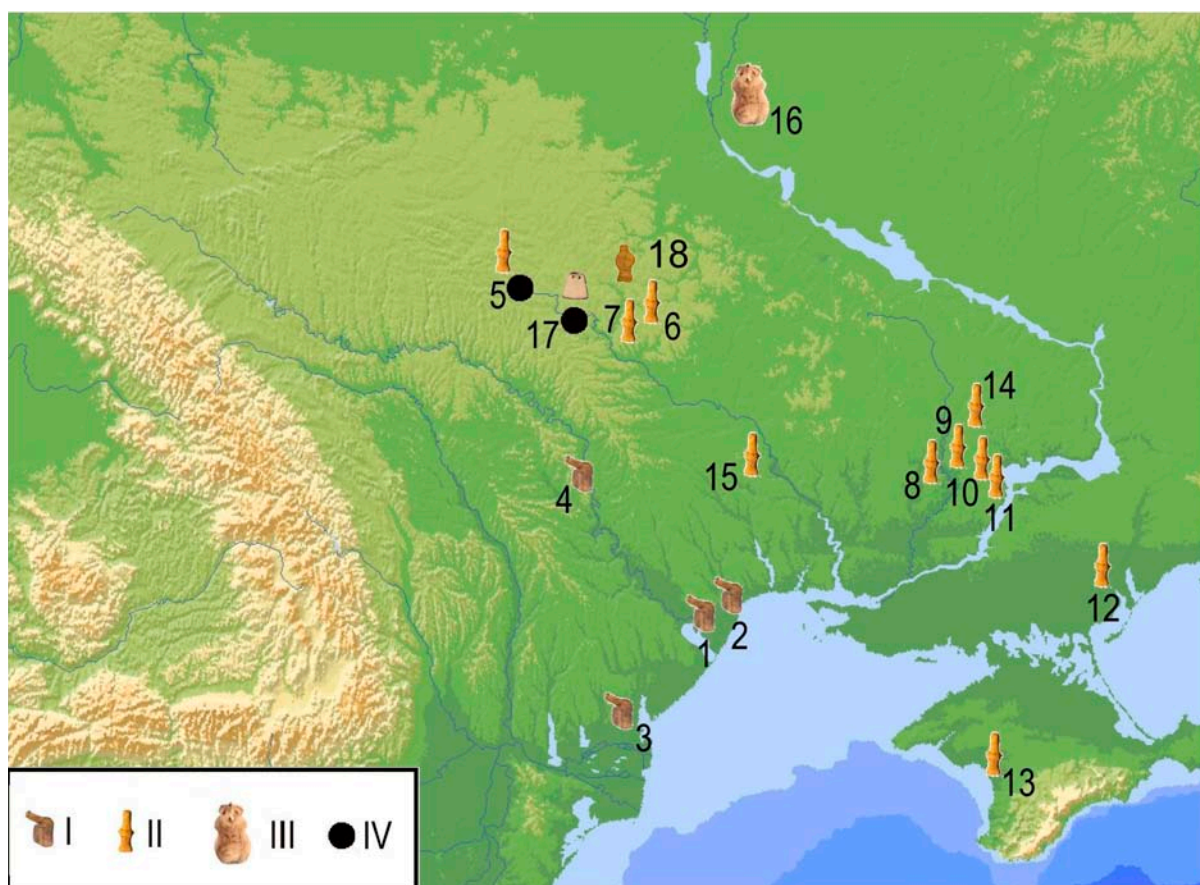

Рис. 1. Карта распространения антропоморфной пластики раннего бронзового века. I - статуэтки усатовского типа; II - статуэтки серезлиевского типа; III - Сушки; IV - поселения. 1 - Большой Куяльник-Усатово; 2 - Маяки; 3 - Кислица (Измайльский р-н); 4 - Выхватинцы; 5 - Сандраки; 6 - Серезлиевка; 7 - Ермолаевка; 8 - Баратовка; 9 - Широкое; 10 - Довга Могила (Орджонекидзе I); 11 - Группа Чкаловская (Орджонекидзе II); 12 - Новоалексеевка; 13 - Заозерное; 14 - Зеленый Гай; 15 - Петропавловка; 16 - Сушки; 17 - Пещера; 18 - Долинка.

была общепринятой (Лагодовська 1953, 106; Мовша 1960, 68).

В 70-е годы XX в. В.Г. Збенович выделил южнобугский локальный вариант позднего Триполья, в который включил также и погребения со статуэтками серезлиевского типа, которые возникли, по его мнению, под влиянием пластики усатовского типа (Збенович 1974, 156). Исследователь высказал мнение о том, что керамика с росписью усатовского типа, как и статуэтки серезлиевского типа, «происходящие из степной части буго-днепровского междуречья и правобережья Днестра, в какой-то мере маркируют юго-восточную границу Триполья, проясняя динамику внедрения этой культуры в степь», и свиде-

тельствуют о контактах различных разнокультурных групп степного населения эпохи позднего энеолита с разными генетическими корнями с Трипольем. Курганные погребения из Новоалексеевки, по мнению исследователя, имеют очень много общих черт с выхватинским и усатовскими некрополями, что можно рассматривать как свидетельство «возможности спорадического проникновения групп трипольцев далеко в степь». По его мнению, статуэтки серезлиевского типа в других комплексах этого региона (Широкое, Баратовка) следует считать трипольскими импортами (Збенович 1976, 63, 66-67).

Е.К. Черныш подчеркивала своеобразие пластики серезлиевского типа и, вслед за В.Г. Збеновичем, отнесла курганные погребения с такими статуэтками в Побужье к самостоятельной группе позднего Триполья, культурно

группе статуса культуры настаивает В.Г. Петренко (Петренко 2003), и его точка зрения принята в современной украинской историографии (Петренко 2013).

близкой выхватинской и усатовской (Черныш 1982, 228).

Э.Ф. Патокова стоящие статуэтки с памятника Маяки (рис. 5/8) и близкие к ним из других комплексов усатовской культуры (*тип В*), изображающие прямо стоящую антропоморфную фигуру, причисляет к пластике серезлиевского типа (Патокова 1986, 16-17).

А.П. Погожева относил статуэтки серезлиевского типа к этапу Триполья С II, определяет позу этих фигурок как «полусидящую» и считает, что по формальным признакам эти статуэтки можно считать реминисценцией схематичных статуэток типа d, исчезнувших в конце раннего Триполья (Погожева 1983, 103).

В.А. Дергачев рассматривал статуэтки серезлиевского типа как особый тип усатовской пластики (Дергачев 1980, 107, 183, рис. 13; 196). Впоследствии им был выделен особый, серезлиевский тип позднего Триполья, имеющий особый статус, так как комплексы этого типа имеют смешанный характер, объединяя традиции памятников позднего Триполья типов Усатово (пластика) и Гординешт (керамика) с традициями степных культур (погребальный обряд) (Дергачев 2004, 111-113). По мнению В.А. Дергачева и И.В. Манзуры, памятники серезлиевского типа возникли как периферийное культурное явление в зоне контакта разных позднетрипольских групп с общностями Нижнего Поднепровья и более отдаленных областей. Наряду с инокультурными образованиями в их формировании приняли участие усатовская и гординештская локальные группы Триполья (Дергачев, Манзура 1991, 14). Можно констатировать эволюцию взглядов В.А. Дергачева относительно культурной принадлежности пластики серезлиевского типа. В более поздних работах автора она определена уже не как усатовская, а как культурная составляющая особой культурной группы, генетически связанной с двумя локально-хронологическими группами позднего Триполья (Дергачев 2004, 113).

От изложенных выше взглядов исследователей трипольской культуры несколько отличались выводы археологов, специализировавшихся на исследованиях курганных древностей. Д.Я. Телегин (Телегин 1971, 15) и О.Г. Шапошникова (Шапошникова, Бочкарев,

Шарфутдинова 1977, 8) отнесли «вытянутые» подкурганые погребения Правобережья Днепра, в том числе и со статуэтками серезлиевского типа, к памятникам «нижнемихайловского типа». Д.Я. Телегин полагал, что поздний, «широчанско-баратовский» этап нижнемихайловских памятников по времени сопоставим с поздним Трипольем, основывая этот вывод на находках при нижнемихайловских погребениях позднего этапа статуэток серезлиевского типа, которые он считал позднетрипольскими. Усатовские памятники, поселения Триполья С II, а также погребения со статуэтками серезлиевского типа, по мнению Д.Я. Телегина, синхронны позднеямной культуре (Телегин 1977, 16-17).

А.В. Николова и Ю.В. Рассамакин позднее убедительно доказали, что в Буго-Днепровском междуречье и на Правобережье Днепра, где сконцентрировано множество известных «энеолитических» (доямных) подкурганых погребений, зафиксировано значительное многообразие погребального обряда и инвентаря, что в целом осложняет определение их культурной принадлежности. Исследователи придавали большое значение статуэткам серезлиевского типа в курганных погребениях, так как именно они, по мнению большинства специалистов, маркируют контакты населения степей с Трипольем. На основании их присутствия (как и других «трипольских импортов») в захоронениях с вариациями в погребальном обряде, принадлежащих к различным группам, устанавливается синхронность этих групп между собой. Причем в ряде случаев стратиграфия курганов, детали погребального обряда, инвентарь свидетельствуют о хронологическом и культурном единстве погребений с разным обрядом. Можно говорить о синтезе различных погребальных традиций на Правобережье Днепра в определенный период, который фиксируется находками позднетрипольских (серезлиевского типа) статуэток. По мнению исследователей, *«такой синтез можно рассматривать как существование своеобразного и синкретического в своей основе нового культурного явления, определяющего специфику энеолитических курганных памятников Правобережья на заключительном этапе их развития»*. Новое культурное явление в развитии позднеэнеолитических памятников степного

Правобережья Днепра возникло благодаря длительному сосуществованию и взаимным контактам населения разнокультурных групп, представленных памятниками «нижнемихайловского типа», «вытянутыми» погребениями и поздне трипольскими (Николова, Рассамкин 1985, 54-55).

Мнение о принадлежности статуэток серезлиевского типа особым культурным группам степного буго-днепровского региона, противоположное выводам, приведенным выше, высказывало несколько исследователей. Т.Г. Мовша, первоначально относившая погребение в Серезлиевке к Триполью (Мовша 1960, 68), через два десятилетия предложила иную их интерпретацию. По мнению исследовательницы, поза погребенного в кургане № 7 в Серезлиевке не соответствует трипольской погребальной традиции, а статуэтка является «чуждой трипольской пластикой». Т.Г. Мовша предположила, что пластика серезлиевского типа «не имеет генетических корней в трипольско-кукутенской общности. ... Статуэтки представляют собой степное явление, родившееся в земледельческо-скотоводческой среде, не исключено, связанной с группой типа Нижней Михайловки²», что перекликается с выводами Д.Я. Телегина и О.Г. Шапошниковой.

Фрагмент статуэтки серезлиевского типа с трипольского поселения этапа СII у с. Сандраки Т.Г. Мовша считает подтверждением контактов южно-бугского поздне трипольского населения со степью (Мовша 1984, 73). К кошеновской и касперовской группам жванецкой культуры трипольско-кукутенской исторической общности исследовательница причисляла курганные степные «погребения в скорченной позе, без статуэток серезлиевского типа (с керамикой, генетически связанной со жванецкой и касперовской)» (Мовша 1991, 169-170). На основании совместного залегания пластики серезлиевского типа и расписной поздне трипольской амфоры в погребении из Ермолаевки, Т.Г. Мовша предложила свою синхронизацию поздне трипольских и широчанско-баратовских культурных групп (Мовша 1993, 47).

² Имеется в виду нижний слой поселения Михайловка (Лагодовська, Шапошникова, Макаревич 1962).

В.Г. Петренко последовательно не включал статуэтки серезлиевского типа в обзоры пластики усатовского типа, а само явление рассматривал в качестве особой археологической культуры (Петренко 1980; Петренко 2004, 559; Петренко 2013, 189-192).

И.Ф. Ковалева на Левобережье Днепра, в частности в междуречье Орели и Самары, выделила компактную группу «вытянутых энеолитических» погребений постмариупольской культуры. Исследовательница полагает, что «вытянутый» обряд на территории Буго-Днепровского междуречья и Правобережья Днепра связан с проникновением в инокультурную среду населения Левобережья (Ковалева 1980, 53), а пластика серезлиевского типа является главной культуурообразующей чертой днепро-бужской локальной группы постмариупольской культуры позднего энеолита. Появление у степного населения антропоморфной пластики серезлиевского типа вызвано, по мнению исследовательницы, контактами его с Трипольем (Ковальова 2004, 498).

Как видим, практически у всех исследователей статуэтки серезлиевского типа выступают в качестве хронологических маркеров для погребений буго-днепровского региона в период позднего энеолита – раннего бронзового века, однако в отношении их культурной принадлежности нет единого мнения. Численно преобладают авторы, связывающие их (или их генезис) с локальными группами позднейшего Триполья, чаще всего с Усатово. Таким образом, большое значение для этой дискуссии приобретает детальный анализ контекста находок, морфологических и стилистических особенностей пластики серезлиевского типа.

Контекстный анализ пластики серезлиевского типа

Статуэтки серезлиевского типа представлены в курганных захоронениях преимущественно степной зоны буго-днепровского региона (рис. 1). К настоящему моменту опубликованы сведения о 34 статуэтках серезлиевского типа, происходящих из 12 погребальных комплексов (табл. 1). Кроме того, фрагмент верхней части статуэтки серезлиевского типа (рис. 3/5) происходит из раскопок остатков жилища поселения Триполья СII у с. Сандраки (Збенович 1972, 17, рис. 5/15). Остальные статуэтки этого

Таблица 1

Находки статуэток серезлиевского типа в погребениях в Буго-Днепровском междуречье и Правобережье Днепра

№/№ карта	Комплекс	Количество	Библиография
1/7	Серезлиевка , курган 7, Новоархангельский р-н, Черкасская обл.	1	Щербаковский 1905, 6; Дергачев, Манзура 1991, 132, рис. 83/3; Мовша 1960, рис. 3/1
2/8	Ермолаевка , к. 2, Первомаевский р-н, Николаевская обл.	9	Рыбалова 1964, 79-80, рис. 1; Дергачев, Манзура 1991, 133-132, рис. 84/1
3/8	Баратовка , к. 1, п. 16, Новобугский р-н, Николаевская обл.	2	Телегин 1977, рис. 6/5, 6; Збенович 1976, 63; Дергачев, Манзура 1991, 134, рис. 84/5, 6
4/15	Петропавловка Братский р-н, Николаевская обл.	2	Шапошникова, Бочкарев, Шарфутдинова 1977, 9
5/9	Широкое , к. 1, п. 18, Широковский р-н, Днепропетровская обл.	1	Дергачев, Манзура 1991, 134, рис. 84/8
6/12	Новоалексеевка , к. 6, п. 15, Скадовский р-н, Херсонская обл.	2	Збенович 1976, 63, рис. 3/1, 2; Дергачев, Манзура 1991, 138-139, рис. 86/17
7/10	Довга Могила , п. 12, г. Орджонекидзе, Днепропетровская обл.	2	Николова, Рассамакин 1985, рис. 4/2, 3
8/11	Группа Чкаловская , к. 3, п. 11, г. Орджонекидзе, Днепропетровская обл.	1	Николова, Рассамакин 1985, рис. 5/2
9/11	Группа Чкаловская , к. 3, п. 25, г. Орджонекидзе, Днепропетровская обл.	5	Николова, Рассамакин 1985, рис. 10/6-9
10/14	Зеленый Гай , к. 6, п. 26, Широковский р-н, Днепропетровская обл.	7	Ковальова 2004, 285-287; Ковальова 2004а, 498-499.
11/13	Заозерное , к. 17, г. Евпатория, Автономная Республика Крым	1	Дергачев, Манзура 1991, 140, рис. 86/21; Попова 2016, 703-709.
12	Александровка, совхоз «Прогресс» , к. 1, п. 11	1	Николова, Рассамакин 1985, 44
	Всего	34	

поселения относятся к типичным позднетрипольским фигуркам (Рогошева 1983, 234, Abb. 989-995), что позволяет предполагать контакты между населением позднего Триполья и культурных групп, оставивших погребальные подкурганные захоронения в буго-днепровском регионе. По мнению В.А. Дергачева (Дергачев 1980, 191, рис. 25/5), это был импорт из усатовских памятников.

Данные о погребальном обряде имеются для 9 комплексов с пластикой серезлиевского типа, так как по трем комплексам (Заозерное, Петропавловка, Александровка, совхоз «Прогресс») информация не полная. Погребения со статуэтками серезлиевского типа в курганах единичны, даже если в некрополе есть синхронные могилы.

Все погребения относятся к наиболее ранним «энеолитическим» курганным могилам, по-

гребения из Серезлиевки и Ермолаевки, вероятно, были основными. Для некоторых могил зафиксировано использование камней в виде кромлеха (Серезлиевки), камней в насыпи кургана (1 случай), каменного ящика (Баратовка), заклада над могилой (1 случай). В двух случаях погребения парные: в кургане Довга Могила погребение № 12 – похоронены взрослый и ребенок; в кургане № 3 погребение № 25 принадлежало двум взрослым. Погребение № 26 кургана № 6 Зеленый Гай – коллективное (6 человек).

Из 15 скелетов 12 – вытянутые на спине, 4 – скорченные на спине. Ориентировка на восток зафиксирована в 3 случаях, на северо-восток – 2, на юго-запад и юго-восток по 1, а в коллективном погребении из Зеленого Гая 5 скелетов ориентировано на север, один – на запад (рис. 2/3).

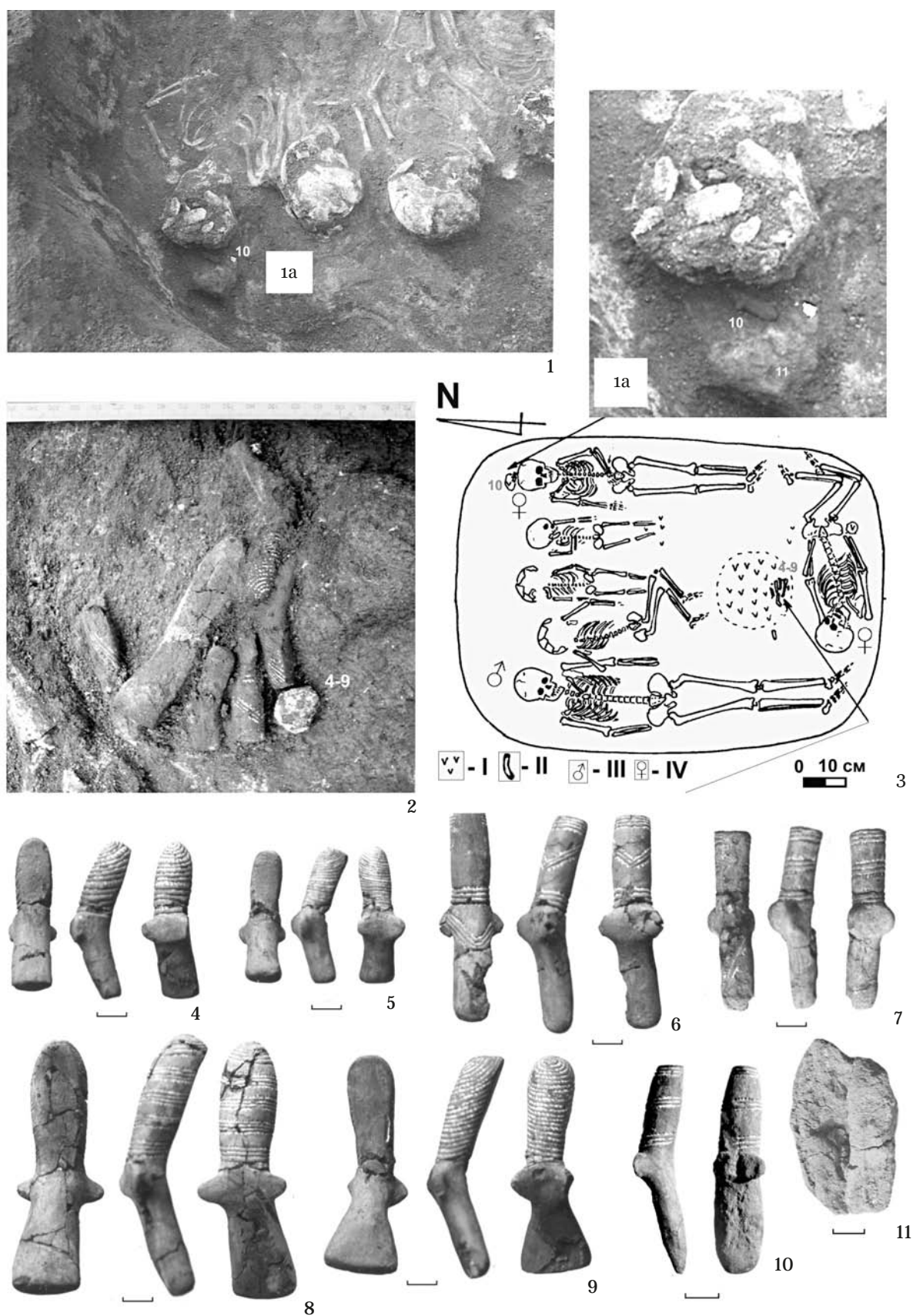

Рис. 2. Зеленый Гай, курган № 6, погребение № 26. I - охра; II - статуэтка; III - женщина; IV - мужчина. 1, 1а - залегание статуэтки возле черепа молодой женщины; 2 - скопление статуэток в могиле; 3 - план погребения № 26; 4-9 - фигурки из скопления; 10 - фигурка, найденная у черепа женщины; 11 - кусок сформованной охры (по Ковальова 2004, 286; Ковальова 2004а, 497).

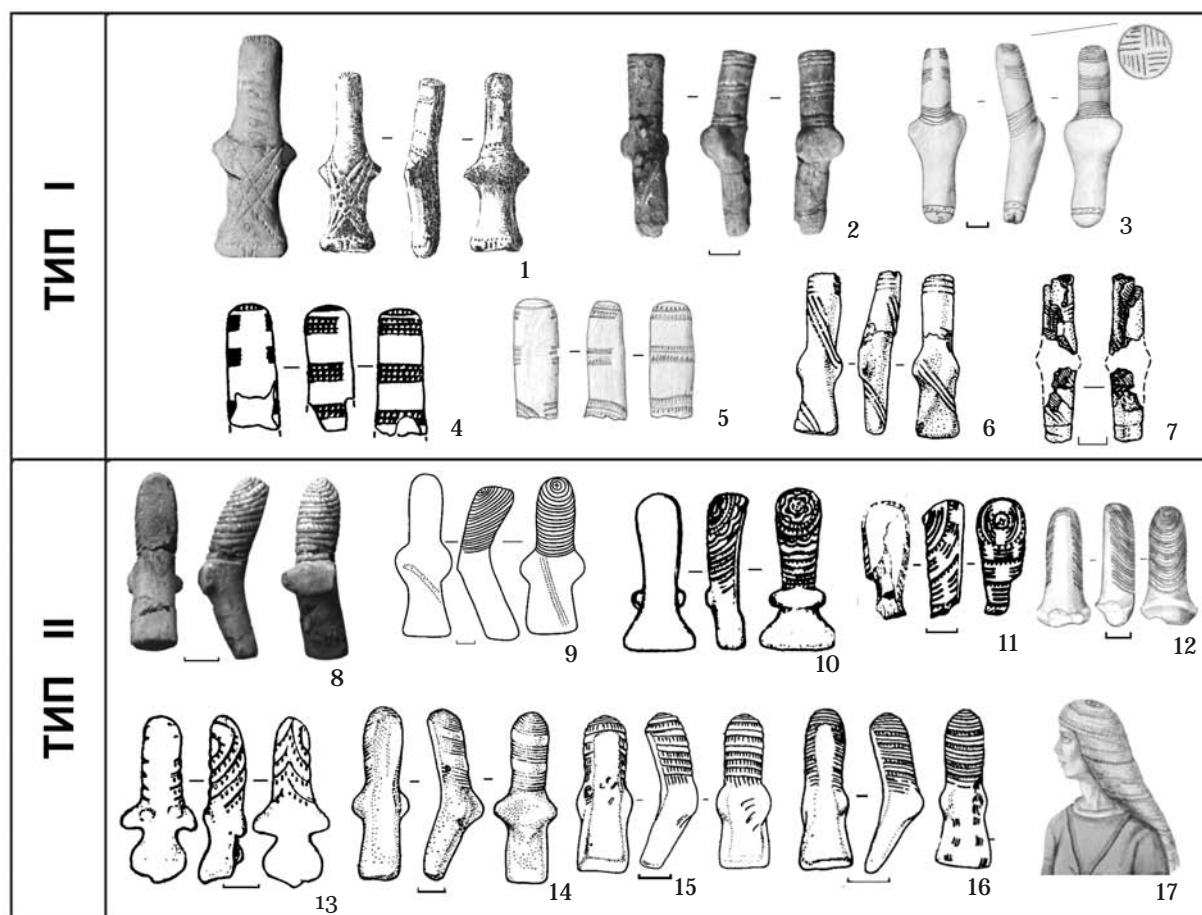

Рис. 3. Типология пластики серезлиевского типа. 1 - Серезлиевка, курган № 7; 2, 8 - Зеленый Гай, курган № 6, погребение № 26; 3, 4, 12 - Ермолаевка, курган № 2; 5 - Сандраки, жилище; 6, 7, 14 - Чкаловская группа, курган 3, погребение № 25; 9 - Широкое, курган № 1, погребение № 18; 10, 11 - Новоалексеевка, курган № 6, погребение № 15; 13 - Заозерное; 15, 16 - курган Довга Могыла, погребение № 12; 17 - реконструкция головного убора фигурок серезлиевского типа (по Васина 2003, 71).

В 5 случаях фигурки серезлиевского типа находились непосредственно у черепа; в одном случае – у кисти правой руки (Серезлиевка). Среди погребенных со статуэтками 8 – дети или подростки, среди взрослых как мужчины, так и женщины, в коллективном погребении из Зеленого Гая определены 2 женщины, 1 мужчина, 3 детей. В пяти случаях статуэтки сопровождалась находками сформованных кусков охры (рис. 2/1а, 11), а в одном случае обильные следы охры обнаружены на скелете (Новоалексеевка). Из 9 комплексов в 5 погребениях найдено по одной статуэтке, в 4 – по 2; по одному случаю зафиксированы находки: 5 (в парном погребении), 7 (в коллективном погребении) и 9 статуэток.

В половине погребений какой-либо погребальный инвентарь кроме статуэток не зафик-

сирован. Лишь в одном случае в Ермолаевке вместе со статуэтками найден расписной сосуд Триполья СII (рис. 4/10) и каменный топор-молот (рис. 4/11). Еще в трех случаях вместе с фигурками в могиле были округлодонные/остродонные сосуды (рис. 4/3, 5).

Одним из наиболее интересных и, главное, хорошо документированных комплексов со статуэтками серезлиевского типа является коллективное погребение постмариупольской культуры № 26 кургана № 6 группы зеленогайских курганов (Ковальова 2004, 285-287). Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами размерами 2,1×1,55×1,0 м была перекрыта деревом и каменным закладом. Пятеро покойников, ориентированных головами на север, были уложены в ряд в следующей последовательности: мужчина, в

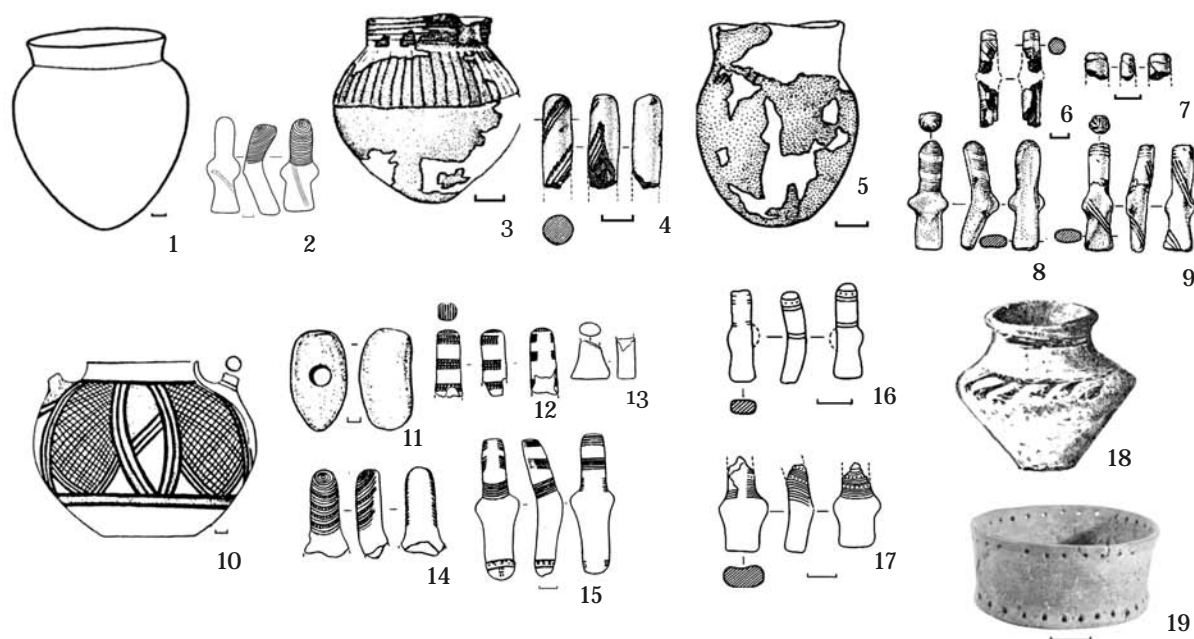

Рис. 4. Погребальный инвентарь. 1, 2 - Широкое, курган № 1, погребение № 18 (по Дергачев, Манзура 1991, рис. 84/8, 9); 3, 4 - Чкаловская группа, курган № 11, погребение 11 (по Николова, Рассасакин 1985, рис. 5/2, 3); 5-9 - Чкаловская группа, курган № 3, погребение № 25 (по Николова, Рассасакин 1985, рис. 10/6-9); 10-15 - Ермолаевка, курган № 2 (по Дергачев, Манзура 1991, рис. 83/8; 84/1-4); 16, 17 - Баратовка, курган № 1, погребение № 16 (по Телегин 1977, рис. 6/5, 6); 18 - Серезлиевка, курган № 4 (по Щербаковский 1905, табл. I, фиг. 1); 19 - Вильшанка (Ольшанка), курган № 3 (по Мовша 1960, рис. 3/2).

вытянутом положении; ребенок, скорченный на спине; ребенок и еще один ребенок, а также молодая женщина – в вытянутом положении. У них в ногах, перпендикулярно, вдоль южной стенки могилы, головой на запад лежал скорченный на спине скелет женщины (рис. 2/3). За черепом молодой женщины обнаружен сформованный в виде вульвы комок охры (рис. 2/11) с вкраплениями белой глины, на котором лежала статуэтка (рис. 2/1, 1а, 10). На дне могилы, в ногах пяти покойников, по центральной оси могилы и рядом, слева, со скелетом женщины, обнаружено скопление охры с включением комков белой глины, в котором находилось 6 залегавших хаотично статуэток (рис. 2/2, 4-9). Рядом обнаружено костяное лоцило и речная раковина.

Очевидно, учитывая разнообразие погребального обряда и инвентаря, объединение погребений со статуэтками серезлиевского типа в какую-либо обособленную культурную группу не представляется возможным. Анализ особенностей погребального обряда, частью которого были статуэтки серезлиевского типа, демонстрирует вариабельность формы моги-

лы, позы, ориентации, использования охры, камня, деревянных перекрытий и т.д. Отметим, что такая ситуация в целом характерна для всех ранних, т.н. «энеолитических» курганных погребений степного буго-днепровского региона.

Кроме довольно обширной территории распространения (рис. 1), эти погребения объединяет их позиция в курганах – все они являются наиболее древними курганными захоронениями, предшествующими позднейшим могилам. Статуэтки, находящие аналогии в погребениях со статуэтками типа I2 из могильника Маяки (рис. 5/8), позволяют считать их синхронными усатовской культуре и датировать началом раннебронзового века³. Эту датировку хорошо подтверждает находка

³ В настоящей работе усатовская культура, Триполье СІ и синхронные им культурные группы погребений в курганах рассматриваются в рамках РВВ (Відейко 2004, 96-97). По периодизации В.А. Дергачева этап Триполья СІ и синхронные ему курганные погребения относятся к позднему энеолиту; Триполье СІІ, усатовские памятники, синхронные им подкурганские погребения (и с пластикой серезлиевского типа) выделены в переходный период от энеолита к раннебронзовому веку; в рамках

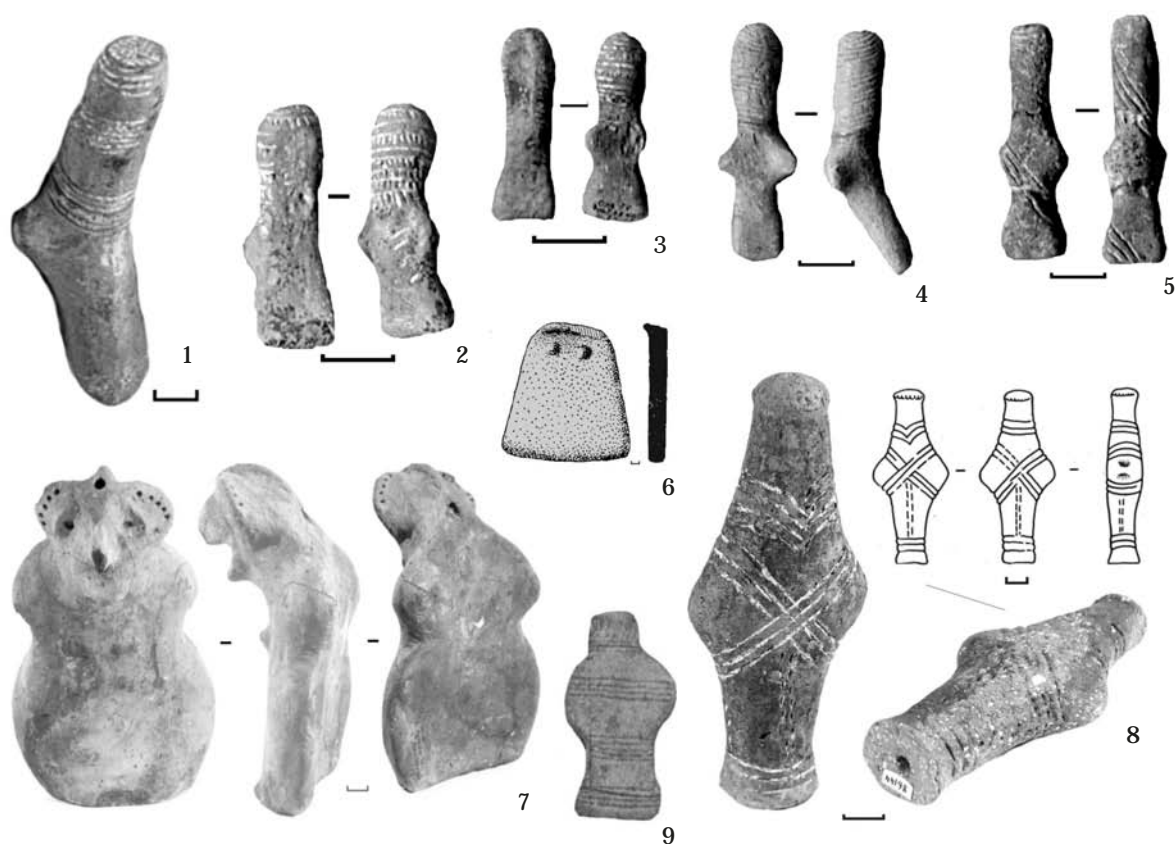

Рис. 5. Антропоморфные статуэтки раннебронзового века. 1 - Ермолаевка; 2, 3 - Курган Довга Могыла, погребение 12; 4, 5 - Чкаловская группа, курган № 3, погребение № 25 (Научные фонды ИА НАНУ); 6 - поселение Печера (по Збенович 1972, рис. 5/18); 7 - Сушки (по Бурдо 2013, 343); 8 - Маяки, курган № 5, погребение № 2 (по Петренко 2004, 559); 9 - Долынка (по Vydlowsky 1905, rys. 11).

расписной амфоры, характерной для поздних усатовских комплексов из погребения со статуэтками из Ермолаевки (рис. 4/10). Это единственный известный случай совместного нахождения усатовской керамики и статуэток серезлиевского типа в этом погребении. Отметим, что курган у с. Ермолаевка расположен в контактной зоне между усатовской культурой и группой «вытянутых» погребений (рис. 1), что неизбежно предполагает контакты и взаимовлияния между разными культурными группами, о чем неоднократно упоминали исследователи.

Классификация пластики серезлиевского типа

Статуэтки, за исключением костяной фигурки из Баратовки (рис. 4/16), изготовлены из тонкоструктурной глиняной массы, иногда с

примесью песка (вероятно, природной). Судя по плохой сохранности части находок, обжиг их был не очень сильным. Поверхность тщательно заглажена, декор из тонких прочерченных линий и наколов дополнен заполнением белой пастой, что создавало эффектный контрастный узор на темном фоне статуэтки. Белое заполнение хорошо сохранилась только на фигурках из погребения Зеленый Гай (рис. 2/4-10). Следы охры на некоторых фигурках связаны, вероятно, с их залеганием совместно с охряной посыпкой или комьями охры.

Статуэтки по форме напоминают столбик или цилиндр с выступами в центральной части, они отличаются крайним схематизмом и небольшими размерами. Они изображают антропоморфную фигуру в стоящей склоненной позе. И.Ф. Ковалева обратила внимание на разную степень согнутости фигурок: от небольшого наклона вперед их верхней части до «полусидящего» положения (Ковалева

РБВ рассматриваются ямная и другие синхронные ей культуры и группы (Дергачев 1986, 187-188).

2004а, 498). Ни в стоящей, ни в «полусидящей» позе фигурки не фиксируются на плоскости, их можно только положить, при этом они вызывают ассоциацию с личинками. Отметим, что такая «двусмысленность» позы серезлиевских статуэток характерна для некоторых типов трипольской антропоморфной пластики (особенно Триполья А), гораздо более натуралистичных (Burdo 2013), но кроме позы эти статуэтки с трипольской традицией ничего не объединяет.

Крайняя степень условности статуэток, а также декор именно на задней стороне приводит к тому, что часто в их изображениях в публикациях перепутаны зад и перед (Телегин 1977, рис. 6/3, 6; Збенович 1976, рис. 3/1, 2 и рис. 1/5, 6; Николова, Рассамакин 1985, рис. 4/2, 3; 10/8; Дергачев, Манзура 1991, рис. 84/2, 3, 5, 8), а статуэтка из Заозерного вообще опубликована вверх ногами (Дергачев, Манзура 1991, рис. 86/21)⁴.

Признаки пола у фигурок серезлиевского типа отсутствуют, за исключением статуэтки (рис. 3/13) из Заозерного (Дергачев, Манзура 1991, 140, рис. 86/21). Вариативность деталей моделировки и декора характерна даже для статуэток из одного погребения. Сечение и окончание верхних и нижних частей фигурок чаще всего различно. Нижняя часть имеет округлое, трапециевидное или прямоугольное окончание.

По оформлению верхней части можно выделить два типа статуэток (рис. 3). **Тип I:** статуэтки с цилиндрической головкой (рис. 3/1-7), **тип II** – с округлой (рис. 3/8-16). Большинство статуэток этого типа отличается уплощенной верхней частью спереди (рис. 3/8-11, 13, 14). В некоторых случаях плоское окончание головки статуэток с цилиндрическим верхом выступает как особая зона декора (рис. 3/3; 4/9, 12). Для верхней части статуэток I типа характерен декор в виде параллельных лент (от 1 до 3) из параллельных линий или наколов (рис. 3/1-7), расположенных сзади и сбоку, оставляющих открытым лицо. У одной

статуэтки спереди в верхней части изображена наклонная лента из параллельных линий, такой же знак нанесен сбоку и сзади на нижней части (рис. 3/6). Для верхней части статуэток II типа с округлой головкой характерен декор, расположенный на макушке и сзади, высказано предположение (Васіна 2003, 71), что он воспроизводит особый головной убор (рис. 3/17), оставляющий открытым лицо. Спереди, в верхней части, в области лица все статуэтки этого типа лишены изображений и деталей. У одной из фигурок из Ермолаевки на шее изображено украшение (рис. 3/3). Особым декором отличается одна из статуэток I типа из зеленогайского комплекса. Шею ее окружает лента из параллельных линий в обрамлении наколов, спереди на груди «U»-образная фигура из параллельных линий в обрамлении наколов, возможно, украшение. Сзади на верхней части угловая композиция в том же стиле (рис. 2/6).

Можно отметить вариации в декоре нижних частей фигурок спереди и сзади для фигурок и I и II типов. Часть из них лишена орнамента или каких-либо знаков в этих зонах (рис. 3/10, 14). В первую очередь это относится к 5 из 7 зеленогайских статуэток (рис. 2/4, 5, 8-10). Спереди зафиксирован один случай изображения косоугольного креста (рис. 3/1), наклонной ленты из параллельных линий (рис. 3/2, 6, 7) или наколов как спереди, так и сзади (рис. 3/9). Предполагается, что это могло быть изображение перевязи. Для статуэток из курганов Чкаловской группы зафиксированы знаки из черточек на нижней части сзади (рис. 3/15, 16). В двух случаях, у статуэток из Серезлиевки (рис. 3/1) и Ермолаевки (рис. 3/3), декор в виде опоясывающей ленты размещен у основания.

В целом статуэтки серезлиевского типа отличаются разнообразием в деталях моделировки и декора, это характерно даже для пластики, происходящей из одного погребения, например, кургана Зеленый Гай. Семь статуэток группируются по разным параметрам. Три фигурки относятся к I типу, одна из них крупная, выделяется более богатым декором (рис. 2/6), две меньшего размера (рис. 2/7, 10). Одна из статуэток этого типа находилась изолированно от остальных шести, у головы молодой женщины, вместе с комом охры (рис. 2/1, 1а, 10, 11). Четыре статуэтки II типа объединяет практически идентичный декор (рис. 2/4,

⁴ Отметим также неточное изображение статуэтки из Серезлиевки на ретушированной фотографии из статьи Т.Г. Мовши (1960, рис. 3/1) и, очевидно, по этой фотографии, на рисунках (Мовша 1984, рис. 1/3) и в исследовании В.А. Дергачева и И.В. Манзуры (1991, рис. 83/3). Спереди в верхней части фигурки изображен орнамент, отсутствующий у оригинала (рис. 3/1).

признаки	поза	силуэт	форма головы	форма основания	декор верхней части спереди	декор верхней части сзади	декор спереди	декор сзади
усатовские статуэтки тип I 2			 3					
статуэтки серезлиевского типа								

Рис. 6. Сравнение особенностей стоящих статуэток серезлиевского типа и усатовской культуры.

5, 8, 9). Близики они и по моделировке, лишь одна выделяется трапецевидной нижней частью (рис. 2/9). Однако 2 статуэтки крупные, а две меньшего размера. Эти четыре фигурки демонстрируют близкое сходство с двумя находками из Новоалексеевки (рис. 3/10, 11) и со статуэткой из Широкого (рис. 3/9). Большое сходство заметно между статуэтками как I (рис. 4/6, 7, 9), так и II (рис. 3/14-16) типа из курганов в районе г. Орджонекидзе.

Сходство статуэток серезлиевского типа со стоящими статуэтками усатовской культуры (Патокова 1986, рис. 5/13-16) весьма отдаленное, не совпадает как иконографический тип в целом, так и отдельные морфологические и стилистические детали (рис. 6).

Для пластики серезлиевского типа характерен разительный контраст между условной, очень схематичной моделировкой и детальным, изысканным, тщательно выполненным декором, причем сосредоточенным преимущественно сзади, на верхней части. Такой необычный стиль отличает статуэтки серезлиевского типа от антропоморфной пластики трипольской и других древнеземледельческих культур. Следует отметить, что для трипольской пластики характерно изображение обнаженной фигуры, в то время как серезлиевские статуэтки одеты. Среди энеолитической пластики достаточно распространены условные антропоморфные изображения, однако они выполнены все же с меньшей долей схематизма, а также отличаются условной проработкой образа в целом, без детализации при помощи декора, как это характерно для серезлиевских фигурок. Крайне схематичные, но все же выразительные серезли-

евские фигурки воспроизводят одетую в нарядный, вероятно, обрядовый убор фигуру без детализировки лица, склоненную в «молитвенной» позе. Такой иконографический тип не находит аналогий в антропоморфной пластике Триполья. В то же время стиль антропоморфных изображений, сочетающий крайне условную форму с богатым декором, характерен для представленных единичными экземплярами фигурок разных европейских культур эпохи бронзы.

Кроме статуэток серезлиевского типа известны статуэтки РБВ из курганов буго-днепровского региона, не имеющие отношения к пластике этого типа. А. Быдловский в начале XX в. при проведении раскопок курганов у с. Долынка (старое название – Яцьковица) Монастырищенского р-на Черкасской обл. нашел на поверхности кургана № 29 с погребениями эпохи бронзы «орнаментированный предмет из обожженной глины» (Bydlowsky 1905, 11, гус. 11; статуэтка на фото в публикации размещена горизонтально), который оказался схематической антропоморфной статуэткой (рис. 5/9). Е.Ф. Лагодовская отмечала, что статуэтка похожа на пластику серезлиевского типа, и причисляла эту находку к усатовским древностям (Лагодовская 1953, 106). Фигурка орнаментирована горизонтальными лентами из параллельных оттисков веревочки, опоясывающих статуэтку вокруг шеи (2 линии), в центральной части тулова (4 линии), в нижней части (5 линий) и у основания (4 линии). В целом статуэтка из кургана у с. Долынка представляет особый тип, в котором сочетаются морфологические черты стоящих усатовских и серезлиевских фигурок, а круглая средняя

часть находит аналогии в антропоморфной пластике культуры Чернавода I.

Уникальными чертами отличается крупная женская статуэтка из кургана № 104, раскопанного у с. Сушки Золотоношского р-на Черкасской области в 1898 г. В центре насыпи кургана на глубине 0,8 м найдена антропоморфная статуэтка в окружении трех чело-веческих черепов, на спине статуэтки стоял миниатюрный сосуд, культурная принадлежность которого не определена (Мовша 1960, 71, рис. 5). Женская фигурка относится к крупным экземплярам с реалистическими элементами в моделировке лица и представляет уникальный тип антропоморфной пластики (рис. 5/7). Статуэтка изготовлена из тонко-структурной ожелезненной глины, вполне отвечающей формовочной массе трипольской пластики. Она получила качественный обжиг. С большой долей условности изображена стоящая склоненная женская фигура, отличающаяся массивностью. В отличие от большинства типов стоящих фигурок трипольской культуры, статуэтка может быть установлена на плоскости. Туловище передано схематично в виде плоской фигуры с перехватом на талии, на плоском, прямоугольном в сечении основании. Едва заметными выступами моделированы ступни. В основании сделано вертикальное, небольшого диаметра, цилиндрическое углубление, доходящее до талии. Вероятно, в него мог вставляться стержень для устойчивости статуэтки. Массивная дисковидная голова с пятью проколами по краю с обеих сторон составляет почти третью часть высоты статуэтки. Сзади по центру головы пластически проработан выступающий гребень с продольным отверстием, проходящим от макушки до затылка. Моделированы черты лица, на котором доминируют огромный нос и острый выступающий подбородок. Дисковидная голова с перфорацией по краю статуэтки из с. Сушки находит аналогии в антропоморфной пластике Триполья СII, но в целом поздне трипольские статуэтки отличаются изяществом моделировки, позой и наготой (Burdo 2014, fig. 22). Несмотря на отдельные черты, сближающие статуэтку из кургана с трипольской пластикой, с уверенностью говорить о ее принадлежности к Триполью невозможно, поскольку она не находит здесь прямых или хотя бы достаточно близких аналогий.

Статуэтка из поздне трипольского поселения Печера (Збенович 1972, рис. 5/18) отличается от типичной пластики этого этапа крайним схематизмом, изображает фигуру в одежде (рис. 5/6) и дополняет общее впечатление об основных характеристиках антропоморфной пластики РБВ. Как и фрагмент статуэтки серезлиевского типа из с. Сандраки, ее можно рассматривать как результат непосредственных контактов разных культурных группировок РБВ, в особенности ярко проявившихся в межкультурной контактной зоне Побужья.

Культурно-хронологических контекст серезлиевской пластики

Традиционное отнесение пластики серезлиевского типа к усатовским или другим поздне трипольским локальным группам (культурам) представляется необоснованным по нескольким причинам. Прежде всего, следует сопоставить территорию распространения погребений с пластикой серезлиевского типа и усатовской культуры. Долгое время считалось, что усатовский тип (группа, вариант) Триполья занимает обширные территории от низовья Дуная до низовьев Днестра, поскольку к нему причисляли все погребальные памятники с поздне трипольскими сосудами, преимущественно расписными или усатовского облика (Пассек 1949, 190-208; Лагодовская 1953, 105-107). В начале 70-х годов XX в. пришло понимание того, что не все такие погребения принадлежали к усатовской группе (Збенович 1974, 151-157).

Кроме того, следует отметить находки в курганных погребениях бугского региона расписной керамики Триполья СI, то есть более раннего, чем Усатово, хронологического пласта. Например, Т.С. Пасек, приводя расписному кубку из кургана № 4 в Серезлиевке (рис. 4/18) аналогии из поселений Косеновка и Васильков, заведомо более ранних, чем усатовская керамика, тем не менее, приходила к выводу о принадлежности погребения к усатовскому типу (Пассек 1949, 202). В.А. Дергачев и И.В. Манзура локализовали усатовскую группу в Северо-Западном Причерноморье, от Пруто-Днестровского междуречья на западе, до Буго-Днестровского на востоке. По версии, предложенной в последних работах В.Г. Петренко, усатовские памятники расположены в пределах Украины от Дуная до Тилигула, а в сосед-

них степных районах Республики Молдова – в Нижнем Поднестровье (Петренко 2013, 168-169, рис. 28). Однако необходимо учитывать данные Богесовской экспедиции начала 30-х гг. XX в., обнаружившей в районе бугских порогов керамику усатовского типа (Козубовский 1934, 40-50). Спустя несколько десятилетий в урочище Гард был открыт и исследован грунтовой некрополь усатовской культуры (Товкайло, Фоменко 2013, 185-193). Фрагменты керамики и обломок статуэтки усатовской культуры происходит из многослойного пункта Ташлык II (Фоменко, Бурдо, Спіщина 2014, 146, рис. 2/8). Эти факты свидетельствуют о расширении восточной границы усатовской культуры до Степного Побужья, где локализованы ее периферийные памятники.

Однако в Буго-Днепровском междуречье, выше по течению Южного Буга, где погребениями у сел Серезлиевка и Ермолаевка зафиксирована западная граница распространения курганных погребений со статуэтками серезлиевского типа, расположен курган № 3 у с. Ольшанка, исследованный Д.М. Щербаковским. Погребение скорченное, головой на восток, у ног комья охры, обнаружено в центре едва заметного кургана с кромлехом на глубине 1, 4 м в прямоугольной яме размерами 2×1, 6 м. В головах стояло три сосуда, описание которых соответствует характеристикам усатовской керамики. Один миниатюрный сосуд усатовского типа (рис. 4/19) стоял у ног. В области шейных позвонков обнаружены подвески из зубов волка, составлявших, очевидно, ожерелье (Щербаковский 1905, 12). Т.С. Пассек справедливо отнесла это погребение к усатовской культуре (Пассек 1949, 202). Хотя В.А. Дергачев и В.И. Манзура (1991, 133) и отнесли погребение из кургана № 3 в Ольшанке к памятникам серезлиевского типа, наличие кромлеха, поза и ориентация погребенного, а также усатовская керамика позволяют считать правильным мнение Т.С. Пассек. Вероятно, природный регион, включавший Новоархангельский район Кировоградской области, где обнаружены курганы Серезлиевка, Ольшанка, Ермолаевка, а также поселения Триполья этапов СІ – начала СІІ, был в ту эпоху пограничьем лесостепи и степи, а также контактной зоной периода финала энеолита – начала РБВ для трипольского и разных группировок степного населения, оставившего курганные

погребения широкого хронологического диапазона от Триполья СІ до Триполья СІІ и усатовской культуры.

О контактах населения, оставившего «вытянутые» погребения под курганами, и жителей поселений буго-днепровского региона Триполья СІ – начала СІІ, предшествовавших усатовской культуре, свидетельствует целый ряд находок. Кубок, характерный для томашовской группы, найден на глубине 0,58 м в насыпи кургана № 4 у с. Серезлиевка⁵ (Щербаковский 1905, 5, табл. I, фиг. 1), томашовские сосуды найдены в погребении № 32 кургана № 3 в Ковалевке, кургане № 1 в Богдановке, в Константиновке (Мовша 1993, 41). В погребении № 19 кургана № 4 у с. Прибужаны обнаружено два расписных сосуда косеновской (Гребенников, Смирнов 2015, рис. 6/1) и чечельницкой (Гребенников, Смирнов 2015, рис. 6/2) групп финала Триполья СІ – начала СІІ⁶ (Гребенников, Смирнов 2015, 22-23). Эти трипольские «импорты» фиксируют время появления курганного обряда, а также свидетельствуют о контактах степного и трипольского населения. Необходимо отметить, что группировки степного населения с курганным обрядом длительный период времени (Триполье СІ - СІІ) контактировали с разными локально-хронологическими группировками Триполья и усатовской культурой.

В целом массив погребений с серезлиевской пластикой смещен на восток к низовьям Днепра (рис. 1). Причем в «вытянутых» погребениях этого хронологического горизонта к западу от Южного Буга статуэтки серезлиевского типа не обнаружены. Таким образом, памятники усатовской культуры и группа курганных захоронений с пластикой серезлиевского типа локализованы в разных соседних регионах и объединены контактной зоной в Побужье.

Стилистические и морфологические особенности серезлиевских статуэток никак не связывают их с традициями антропоморфной пластики усатовской культуры. Кроме того,

⁵ В работе В.А. Дергачева и И.В. Манзуры (1991, 132) это погребение отнесено к серезлиевской группе памятников.

⁶ Датировка сосудов из погребения временем финала Триполья ВІІ - началом СІ, приведенная у Ю. Гребенникова и Л. Смирнова (2015, 23) и В.А. Дергачева (1986, 74), ошибочна.

все они происходят из погребений, характеристики которых не соответствуют усатовскому обряду. Для усатовской культуры в целом характерны схематические статуэтки специфического типа, не связанного с антропоморфной пластикой трипольской культуры (Петренко 2004, 559). Статуэтки на кубовидном постаменте встречаются в ограниченном числе усатовских комплексов, преимущественно в Усатово-Большой Куяльник и Маяки. Картографирование находок статуэток усатовского и серезлиевского типов показывает их четкую локализацию в разных регионах (рис. 1). В зоне распространения усатовских памятников в Северо-Западном Причерноморье присутствуют также «вытянутые» подкурганые доямные погребения, но ни в одном из них не обнаружены статуэтки серезлиевского типа (Манзура 2013, 139-153).

Выводы

Статуэтки РБВ из курганных погребений, в том числе и серезлиевского типа, обладают специфическими морфологическими и стилистическими чертами, что не позволяет связывать их с Триполем или усатовской культурой. Картографирование пластики РБВ показывает, что погребения со статуэтками усатовского и серезлиевского типов локализованы в разных районах степной зоны. Очень важным отличием между антропоморфными статуэтками РБВ и Триполя является то, что первые использованы в погребальном обряде, а вторые – в разнообразных ритуалах на поселениях. Вероятно, именно это обстоятельство обусловило и другое отличие: фрагментар-

ность трипольской пластики и целые статуэтки из погребений. В Триполе целые статуэтки происходят преимущественно из культовых наборов. Для антропоморфной пластики РБВ характерно отсутствие стандартизации иконографических типов, большинство статуэток наделено индивидуальными чертами, а часть из них уникальны и не имеют аналогий. Эта особенность резко контрастирует с антропоморфной пластикой Триполя СП, которая демонстрирует высокую степень стандартизации и единство иконографических типов (Burdo 2014, 328-332).

Поскольку статуэтки серезлиевского типа практически не имеют ничего общего ни с усатовской, ни с позднетрипольской антропоморфной пластикой, нужно считать их особой категорией артефактов культурных группировок с курганным обрядом погребения РБВ в степном регионе и пограничье степи и лесостепи Побужья, Буго-Днепровского междуречья и Поднепровья. То же относится и к упомянутым выше единичным антропоморфным статуэткам других типов, найденных в погребениях под курганами или на трипольских поселениях. Можно предположить, что антропоморфная пластика возникла у степного курганного населения под влиянием Триполя, но влияние это проявилось в самом общем плане. Контекстный анализ пластики серезлиевского типа позволяет выделить в Побужье контактную зону между культурными группировками с курганным обрядом, Триполя СП и усатовской культурой, которая функционировала в период финального энеолита и РБВ.

Библиография

- Болтенко 1925:** М.Ф. Болтенко, Раскопки Усатовско-Большокуяльницкого поля культурных остатков. Вісник Одеської комісії краєзнавства 2-3, 1925.
- Бурдо 2013:** Н.Б. Бурдо, Реалистическая пластика культурного комплекса Триполье-Кукутень (Saarbrücken: Lambert Academic Publishing 2013).
- Васіна 2003:** З. Васіна, Український літопис вбрання. Т. 1. 11000 років до н. е, XIII ст. н. е. (Київ 2003).
- Відейко 2004:** М.Ю. Відейко, Періодизація та хронологія трипільської культури. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, I (Київ 2004), 80-97.
- Гребенніков, Смирнов 2015:** Ю. Гребенніков, Л. Смирнов, Початок курганного будівництва у Північному Причорномор'ї (на прикладі пам'яток Степового Побужжя): архітектурний та ідеологічний аспект проблеми. Емінак 3(11), 2015, 21-30.
- Дергачев 1980:** В.А. Дергачев, Памятники позднего Триполя (опыт систематизации) (Кишинев 1980).
- Дергачев 1986:** В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп) (Кишинев 1986).

- Дергачев 2004:** В.О. Дергачев, Пізній період трипільської культури. В: (Ред. М.Ю. Відейко). Енциклопедія трипільської цивілізації, I (Київ 2004), 111-113.
- Дергачев, Манзура 1991:** В.А. Дергачев, И.В. Манзура, Погребальные комплексы позднего Триполья (Кишинев 1991).
- Збенович 1972:** В.Г. Збенович, Хронологія пізнього Триппіля, Археологія 7, 1972, 3-25.
- Збенович 1974:** В.Г. Збенович, Позднетрипольские племена Северного Причерноморья (Київ 1974).
- Збенович 1976:** В.Г. Збенович, К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья. В сб.: (Ред. С.С. Березанская) Энеолит и бронзовый век Украины: Исследования и материалы (Київ 1976), 57-69.
- Ковальова 1980:** И.Ф. Ковалева, К вопросу о культурной принадлежности выгнутых подкурганых энеолитических погребений. В сб.: (Ред. И.Ф. Ковалева) Курганы степного Поднепровья (Днепропетровск 1980), 48-56.
- Ковалева 2004:** И.Ф. Ковалева, Зеленогайский комплекс антропоморфной пластики. В сб.: (Ред. И.Ф. Ковалева), Курганы энеолита – бронзового века в криворожском течении Ингульца (Днепропетровск 2004).
- Ковальова 2004:** И.Ф. Ковальова, Статуетки серезліївського типу. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ 2004), 498-499.
- Ковальова 2004а:** И.Ф. Ковальова, Статуетки Зеленогайського комплексу антропоморфної пластики. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ 2004), 496-498.
- Козубовський 1934:** Ф.А. Козубовський, Археологічні дослідження на території Богесу 1930-1932. Експедиційні дослідження Ін-ту історії матеріальної культури ВУАН за 1934 р. Вісті АН УРСР, 8-99, 40-50.
- Кричевский 1941:** Е.Ю. Кричевский, О процессе исчезновения трипольской культуры. В: Материалы и исследования по археологии СССР, 2 (Москва-Ленинград 1941), 245-253.
- Лагодовська 1943:** О.Ф. Лагодовська, Проблеми усатівської культури. Наукові записки АН УРСР. Інститут історії і археології, 1, 1943, 53-66.
- Лагодовська 1953:** О.Ф. Лагодовська, Пам'ятки усатівського типу, Археологія 8, 1953, 95-108.
- Лагодовська, Шапошникова, Макаревич 1962:** О.Ф. Лагодовська, О.Г. Шапошникова, М.Л. Макаревич, Михайлівське поселення (Київ 1962).
- Манзура 2013:** И.В. Манзура Культуры степного энеолита. В: (Ред. И.В. Бруяко) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 115-153.
- Мовша 1960:** Т.Г. Мовша, К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения. В сб.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 59-76.
- Мовша 1984:** Т.Г. Мовша, Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе. В сб.: (Ред. И.Ф. Ковалева) Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск 1984), 60-83.
- Мовша 1990:** Т.Г. Мовша, Актуальные проблемы истории позднетрипольского населения Днестровско-Днепровского междуречья. В: Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тезисы докладов I полевого семинара (Тальянки 1990), 169-174.
- Мовша 1991:** Т.Г. Мовша, Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту – ранньобронзового віку. Археологія 3, 1993, 36-51.
- Николова, Рассмакин 1985:** А.В. Николова, Ю.Я. Рассмакин, О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра. СА 3, 1985, 37-56.
- Пассек 1949:** Т.С. Пассек, Периодизация трипольских поселений (III-II тысячелетия до н.э.). В: Материалы и исследования по археологии СССР, 10 (Москва-Ленинград 1949).
- Патокова 1986:** Э.Ф. Патокова, Антропоморфная пластика Маяцкого могильника. В сб.: (Ред. Г.А. Дзис-Райко) Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья (Київ 1986), 5-20.
- Петренко 1980:** В.Г. Петренко, О семантике усатовской антропоморфной пластики. В сб.: (Ред. В.Н. Станко) Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя (Київ 1980), 96-100.
- Петренко 2003:** В.Г. Петренко, Епонімне Усатове та проблема генезису усатівської культури. В сб.: (Ред. І.Т. Черняков) Трипільська цивілізація у спадщині України (Київ 2003), 135-143.
- Петренко 2004:** В.Г. Петренко, Усатівська антропоморфна пластика. В: (Ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, II (Київ 2004), 559.
- Петренко 2013:** В.Г. Петренко, Усатовская культура. В: (Ред. И.В. Бруяко) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 163-210.
- Погожева 1983:** А.П. Погожева, Антропоморфная пластика Триполья (Новосибирск 1983).

- Попова 2016:** Е.А. Попова, Антропоморфная статуэтка из кургана эпохи бронзы некрополя у поселка Заозерное в Северо-Западном Крыму. Исторический журнал: научные исследования 6, 2016, 703-709.
- Рыбалова 1964:** В.Д. Рыбалова, Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге. Археологический сборник Государственного Эрмитажа 6, 1964, 80.
- Телегін 1971:** Д.Я. Телегін, Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу. Археологія 4, 1971, 3-17.
- Телегін 1977:** Д.Я. Телегін, Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины. СА 2, 1977, 5-9.
- Товкайло, Фоменко 2013:** М.Т. Товкайло, В.М. Фоменко, Грунтовий могильник усатівського типу на Гарді. В сб.: (Ред. Л.Л. Залізник) Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку – енеоліту. До 100-річчя від народження В.М. Даниленка (Мелітополь, смт Мирне 2013), 185-193.
- Фоменко, Бурдо, Спіцина 2014:** В.М. Фоменко, Н.Б. Бурдо, Л. Спіцина, Багатошарова пам'ятка Ташлик II. Археологія і давня історія України. Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Результати досліджень 1 (12), 2014, 137-147.
- Черныш 1982:** Е.К. Черныш, Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: (Ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт) Энеолит СССР (Москва 1982), 165-252.
- Шапошникова, Бочкарев, Шарфутдинова 1977:** О.Г. Шапошникова, В.С. Бочкарев, И.Н. Шарфутдинова, О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингула. В сб.: (Ред. О.Г. Шапошникова) Древности Поингуля (Киев 1977), 7-37.
- Щербаковский 1905:** Д.М. Щербаковский, Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний. Археологическая летопись Южной России 1-2, 1905, 7-19.
- Burdo 2014:** N. Burdo, Anthropomorphic plastic art of Trypillia culture: dialectic of similarities and differences. In: (Eds. C-E. Ursu, S. Țerna) Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe (Suceava 2014), 303-364.
- Bydłowski 1905:** A. Bydłowski, Mogily w Jackowici w pow. Lipoeckim w dub. Kijowskiej. Swiaowit VI, 1905, 8-35.
- Passek 1935:** T. Passek, La ceramique tripolienne. Известия государственной академии истории материальной культуры, 122, 1935.
- Pogoševa 1985:** A.P. Pogoševa, Die Statuetten Tripolje-Kultur. Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 7, 1985, 95-242.

Plastica antropomorfă din înmormântările tumulare din interfluviul Bugo-Niprovian și regiunea Niprului

Cuvinte-cheie: plastică antropomorfă, statuete de tip Serezlievka, înmormântări tumulare, epoca bronzului timpuriu.

Rezumat: Statuetele din epoca timpurie a bronzului din înmormântările tumulare, inclusiv cele de tip Serezlievka, au caracteristici morfologice și stilistice specifice ce nu permit asocierea acestora cu cultura Tripolie sau Usatovo. Cartografierea plasticii din epoca timpurie a bronzului arată că înmormântările cu statuete de tip Usatovo și Serezlievka sunt localizate în diferite zone ale regiunii de stepă. O diferență foarte importantă între statuetele antropomorfe din epoca bronzului timpuriu și cele ale culturii Tripolie este că cele dintâi au fost folosite în ritualul de înmormântare, iar cele din urmă – în diverse ritualuri din așezări. Probabil, această circumstanță a dus la o altă diferență: plastica tripoliană este fragmentată iar din înmormântări provin statuete întregi. În cazul culturii Tripolie, statuetele întregi provin, în principal, din seturi religioase. Plastica antropomorfă a epocii timpurii a bronzului se caracterizează prin lipsa de standardizare a tipurilor iconografice, majoritatea figurinelor fiind dotate cu trăsături individuale, unele dintre ele fiind unice și fără analogii. Această caracteristică contrastează puternic cu plastica antropomorfă a etapei Tripolie C II, care demonstrează un grad înalt de standardizare și monotonie a tipurilor iconografice.

Deoarece statuetele de tip Serezlievka, practic, nu au nimic în comun cu plastica antropomorfă a culturii Usatovo, dar nici cu cea tripoliană tardivă, acestea ar trebui considerate o categorie specială de artefacte ale grupurilor culturale cu rit funerar tumular din epoca bronzului timpuriu din regiunea de stepă și de la granița dintre stepă și silvostepa regiunii râului Bug, interfluviul Bugo-Niprean și regiunea Niprului. Același lucru este valabil și pentru statuetele antropomorfe singulare de alte tipuri, menționate mai sus, găsite în înmormântări sub tumuli sau în cadrul așezărilor tripoliene. Se poate presupune că plastica antropomorfă a apărut la populația înmormântărilor tumulare din stepă sub influența culturii Tripolie, dar această influență s-a manifestat în termeni foarte generali. Analiza contextuală a plasticii de tip Serezlievka permite evidențierea, în regiunea Bugului, a zonei de contact între grupurile culturale cu rit tumular Tripolie C II și cultura Usatovo care a funcționat în perioada eneoliticului final și epoca bronzului timpuriu.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Harta răspândirii plasticii antropomorfe din epoca timpurie a bronzului. I - statuete de tip Usatovo; II - statuete de tip Serezlievka; III - Suški; IV - așezări. 1 - Bol'šoj Kujal'nik-Usatovo; 2 - Majaki; 3 - Kislica/Chislița (raionul Ismail); 4 - Vyhvatincy; 5 - Sandraki; 6 - Serezlievka; 7 - Ermolaevka; 8 - Baratovka; 9 - Širokoe; 10 - Dovga Mogila (Ordzhonikidze I); 11 - Grupul Chkalovsk (Ordzhonikidze II); 12 - Novoolekseevka; 13 - Zaozernoie; 14 - Zelionyj Gaj; 15 - Petropavlovka; 16 - Suški; 17 - Pečora; 18 - Dolinka.

Fig. 2. Zelionyj Gaj, tumulul nr. 6, mormântul nr. 26. I - ocră; II - statueta; III - femeie; IV - bărbat. 1, 1a - amplasarea unei statuete lângă craniul unei femei tinere; 2 - grup de figurine într-un mormânt; 3 - planul mormântului nr. 26; 4-9 - figuri din aglomerație; 10 - figurina descoperită lângă craniul femeii; 11 - o bucată de ocră (după: Ковальова 2004, 286; Ковальова 2004a, 497).

Fig. 3. Tipologia plasticii de tip Serezlievka. 1 - Serezlievka, tumulul nr. 7; 2, 8 - Zeleonyj Gaj, tumulul nr. 6, mormântul nr. 26; 3, 4, 12 - Ermolaevka, tumulul nr. 2; 5 - Sandraki, locuință; 6, 7, 14 - Grupul Chkalovsk, tumulul nr. 3, mormântul nr. 25; 9 - Širokoe, tumulul nr. 1, mormântul nr. 18; 10, 11 - Novoolekseevka, tumulul nr. 6, mormântul nr. 15; 13 - Zaozernoie; 15, 16 - tumulul Dovga Mogila, mormântul nr. 12; 17 - reconstrucția acoperământului capilar al statuetelor de tip Serezlievka (după: Васіна 2003, 71).

Fig. 4. Inventar funerar. 1, 2 - Širokoe, tumulul nr. 1, mormântul nr. 18 (după: Дергачев, Манзура 1991, рис. 84/8, 9); 3, 4 - Grupul Chkalovsk, tumulul nr. 11, mormântul nr. 11 (după: Николова, Рассамкин 1985, рис. 5/2, 3); 5-9 - Grupul Chkalovsk, tumulul nr. 3, mormântul nr. 25 (după: Николова, Рассамкин 1985, рис. 10/6-9); 10-15 - Ermolaevka, tumulul nr. 2 (după: Дергачев, Манзура 1991, рис. 83/8; 84/1-4); 16, 17 - Baratovka, tumulul nr. 1, mormântul nr. 16 (după: Телегин 1977, рис. 6/5, 6); 18 - Serezlievka, tumulul nr. 4 (după: Щербаковский 1905, табл. I, фиг. 1); Vilšanka (Olšanka), tumulul nr. 3 (după: Мовша 1960, рис. 3/2).

Fig. 5. Statuete antropomorfe din epoca timpurie a bronzului. 1 - Ermolaevka; 2, 3 - tumulul Dovga Mogyla, mormântul nr. 12; 4, 5 - Grupul Chkalovsk, tumulul nr. 3, mormântul nr. 25 (Depozitul științific al IA ANSU); 6 - așezarea Pečora (după: Збенович 1972, рис. 5/18); Suški (după: Бурдо 2013, 343); Majaki, tumulul nr. 5, mormântul nr. 2 (după: Петренко 2004, 559).

Fig. 6. Compararea caracteristicilor figurinelor în picioare de tip Serezlievka și cele ale culturii Usatovo.

Anthropomorphic figurines from early Bronze Age burial mounds in the Bug-Dnieper interflaves and the Dnieper area

Keywords: anthropomorphic figurines, Serezliivka-type figurines, burial mounds, early Bronze Age.

Abstract: Figurines of the early Bronze Age from burial mounds, including ones of the Serezliivka type, have specific morphological and stylistic features, which do not allow them to be associated with Trypillia or Usatovo cultures. Mapping of the early Bronze Age figurines shows that burials are localized in different regions of the steppe zone. A very important difference between the anthropomorphic figurines of the early Bronze Age and Trypillia is that the first were used in funeral rites, and the latter in various rituals within the settlements. Probably, it was this circumstance which caused another difference: the fragmentation of the first and whole samples from burials. In the Trypillia culture sites whole figurines occur primarily in cultic sets.

Anthropomorphic figurines from the early Bronze Age burials is characterized by a lack of standardization of iconographic types, most of the figurines are endowed with individual features, and some of them are unique and have no analogies. This feature contrasts sharply with the anthropomorphic sculpture of Trypillia CII, which demonstrates a high degree of standardization and monotony of iconographic types (Burdo 2014, 328-332).

Since Serezliivka-type figurines have practically nothing in common with either Usatovo or Late-Trypillia figurines, they should be considered as a special category of artifacts from cultural groups from the borderland of the Steppe and Forest-Steppe at the Southern Bug-Dnieper interflaves and the Dnieper region. The same applies to the figurines of other types found in burials. It can be assumed that the early Bronze Age anthropomorphic figurines originated in the steppe zone under the influence of Trypillia culture, but this influence manifested itself in the most general sense. A context analysis of the Serezliivka-type figurines makes it possible to distinguish in Southern Bur region a contact zone between cultural groups with a mound ritual, Trypillia CII stage and Usatovo culture, which functioned during the final stage of the Copper Age and the early Bronze Age.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of the distribution of anthropomorphic figurines of the Early Bronze Age. I - figurines of the Usatovo type; II - figurines of the Serezliivka type; III - Sushky; IV - settlement. 1 - Bolshoi Kuyalnik-Usatovo; 2 - Mayaky, 3 - Kislița (Izmail district); 4 - Vykhatintsy; 5 - Sandraki; 6 - Serezliivka; 7 - Ermolaevka; 8 - Baratovka; 9 - Shyroke; 10 - Dovga Mohyla (Ordzhonikidze I); 11 - Chkalovo Group (Ordzhonikidze II); 12 - Novoolekseevka; 13 - Zaozernoie; 14 - Zeleny Gai; 15 - Petropavlovka; 16 - Sushky; 17 - Pechera; 18 - Dolinka.

Fig. 2. Zeleny Gai, burial mound No. 6, burial No. 26. I - ocher; II - figurine; III - woman; IV - man. 1, 1a - lying statuette near the skull of a young woman; 2 - a cluster of figurines in the grave; 3 - burial plan No. 26; 4-9 - figures from the cluster; 119 - a figure found at the skull of a woman; 11 - a piece of formed ocher (according to Ковальова 2004, 286; Ковальова 2004а, 497).

Fig. 3. Typology of Serezliivka-type plastic. 1 - Serezliivka, burial mound No. 7; 2, 8 - Zeleny Gai, burial mound No. 6, burial No. 26; 3, 4, 12 - Ermolaevka, burial mound number 2; 5 - Sandraky, dwelling; 6, 7, 14 - Chkalovo Group, burial mound 3, burial No. 25; 9 - Shyroke, burial mound No. 1, burial No. 18; 10, 11 - Novoalekseevka, burial mound No. 6, burial No. 15; 13 - Zaozernoie; 15, 16 - the burial mound Dovga Mohyla, burial No. 12; 17 - reconstruction of the headdress of figurines of the Serezliivka type (after Васіна 2003, 71).

Fig. 4. Grave goods. 1, 2 - Shyroke, burial mound No. 1, burial No. 18 (after Дергачев, Манзура 1991, рис. 84/8, 9); 3, 4 - Chkalovo Group, burial mound number 11, burial 11 (after Николова, Рассамкин 1985, рис. 5/2, 3); 5-9 - Chkalovo Group, burial mound No. 3, burial No. 25 (after Николова, Рассамкин 1985, рис. 10/6-9); 10-15 - Ermolaevka, burial mound No. 2 (after Дергачев, Манзура 1991, рис.83/8; 84/1-4); 16, 17 - Baratovka, burial mound No. 1, burial No. 16 (Телегин 1977, рис. 6/5, 6); 18 - Serezliivka, Barrow No. 4 (after Щербаковский 1905, таб. I, фиг. 1); Wilhsanka (Olshanka), Barrow No. 3 (after Мовша 1960, рис. 3/2).

Fig. 5. Anthropomorphic figurines of the Early Bronze Age: 1 - Ermolaevka; 2, 3 - Dovga Mohyla, burial 12; 4, 5 - Chkalovo Group, burial mound No. 3, burial No. 25 (Scientific fund of IA NASU); 6 - Pechera site (after Збенович 1972, рис. 5/18); Sushky (after Бурдо 2013, 343); Mayaky, burial mound No. 5, burial No. 2 (after Петренко 2004, 559).

Fig. 6. Comparison of the features of standing figurines of the Serezliivka type and the Usatovo culture.

19.02.2018

Д-р Наталья Бурдо, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: nbburdo@gmail.com